

16+

Елена Александровна Асеева

Ловчие сети

Елена Александровна Асеева

Ловчие сети

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28738391

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2458-5

Аннотация

Удар молнии, и главный герой, молодой мужчина Роман, впадает в кому. Покинув собственное тело, он видит за собой стеклянную чарующую лестницу, по которой уходит в новый мир. А в том мире, величаемом Ловитва, он вселяется в сильное и красивое тело! Вселяется и решается в нем остаться навсегда! Но новое, такое сильное, ловкое и гибкое тело – на самом деле только искусно расставленные ловчие сети. Ловчие сети, из каковых не так легко выбраться.

Содержание

*****	5
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

*Посвящается моей дочери Маргарите
в день ее шестнадцатилетия.*

*****

Тяжесть... непреодолимая тяжесть сжимает моё естество... так, что нет сил кричать, нет сил плакать... и, увы! теперь это бесполезно, и, по сути, невозможно.

Каждый миг, каждую секунду, находясь здесь, я думаю лишь об одном...

Зачем, зачем я пошел по этой стеклянной лестнице?!

Зачем, зачем подверг свою сущность этому не нужному вселению?!

Зачем, зачем не послушался предостережений, оставленных там, в серой безбрежной вышине?!

Однако теперь путь в мой мир закрыт... теперь нет меня... теперь я иной... теперь... теперь... что же делать теперь?

Мучительны, мучительны эти мысли, они изматывают, изводят меня и не дают возможности принять решение... Но мне необходимо что-то предпринять, а потому я вспоминаю о том, что со мной случилось... и словно в этих мельчайших подробностях пережитого стараюсь найти выход, тот единственно верный путь, который у меня, быть может, еще остался.

Глава первая

Я всегда был тихим, спокойным мальчиком, юношей.

Поначалу мою маму это очень радовало, потом стало беспокоить. Еще бы, ведь мой старший брат Сережка был озорным и бойким мальчуганом, он ни минуты не мог усидеть на месте, его все интересовало, волновало, он хотел все знать, все потрогать, испробовать на себе. Словом, как говорится «жизнь в нем была ключом».

Однако я был полной его противоположностью. Я мог подолгу сидеть с одной машинкой в руках, разглядывая как ее собирали, клеили, разглядывая цвет ее колес, кузова и задаваясь вопросом:

«Почему стекла на ней не прозрачные, а серебристые?»... вопросом, впрочем, на который мне не нужен был ответ.

Когда я подрос, то так же подолгу мог сидеть или лежать с одной и той же книгой, перелистывая или перечитывая ее по нескольку раз. А еще я очень любил сидеть у закрытого окна, касаясь лбом гладкой поверхности стекла, и глядеть на улицу. Окно нашей с братом комнаты выходило во двор, где бегала, кричала, шумела играя ребетня моего возраста и постарше... а я вместо того, чтобы к ним присоединиться, наблюдал за ними через стекло. Да, да, именно через стекло, чтобы непременно было закрыто окно, чтобы не долетал их веселый визг и писк.... Мне нужна была тишина и это при-

ятное уединение...

Сам себе я никогда не надоедал, поэтому не страдал от нехватки товарищей, друзей и вообще сверстников. Мама, глядя на меня, часто говорила папе: «Посмотри на него, какой он все же необыкновенный ребенок. Он настолько самодостаточная личность, что никогда не устает быть один... Обрати внимание, он даже тянется к этому уединению, к тишине. Наверно он вырастет великим ученым, и быть может, уже сейчас в его задумчивой головке, кружит какая-то необыкновенная алгебраическая формула или невероятное изобретение».

Она так говорила, чтобы успокоить себя, потому как очень за меня тревожилась, страшась, что я со своим желанием уединяться уйду прямо в психиатрическую клинику. Ведь совсем неестественно и ненормально, когда здоровый на вид мальчик ни с кем не играет, сидит в школе за партой один, ходит всегда один, на день рождения никого не приглашает, а любит, уставившись в стекло, смотреть, как, неслышно кружась, летят к земле белые пернатые снежинки, или, часто барабана, выбивают ритм по глади стекла, крупные капли дождя... Это неестественно и ненормально, когда здоровый на вид мальчик девяти, двенадцати, пятнадцати лет не хочет пойти попрыгать по лужам, покататься с пацанами на санках или сходить на дискотеку в школу.

И хотя врачи убеждали маму, что психически я здоров, но она думала по иному, и, думая так, страшилась за меня.

Я же всегда знал, что правы врачи, а не мама... просто я... Я любил уединение, тишину, душевный покой.

Мне нравилось наблюдать за бегущей ребятней, но так, чтобы звуки долетали до меня приглушенно, точно издали, не раздражая моего слуха. А когда глаза уставали от активных игр мальчишек и девчонок, я поднимал свою голову, глядел на кроны деревьев, на которых нежно колыхались зеленые листья клена, и изогнутые кленовые крылатки важно потягивались вправо да влево, намереваясь обрести свободу и отправиться в дальнее путешествие.

И вот так незаметно, вместе с живущей в моей душе тишиной и уединением, детство мое такое же тихое и уединенное, полное красоты природы, которую я находил повсюду, пролетело... Я вырос, окончил школу, поступил в технологический университет на специальность «Пищевая инженерия малых предприятий».

Мама ошиблась, великим ученым я не стал и не стану... да и вообще сомнительно, что стану просто ученым или хотя бы плохеньким специалистом... Ведь поступал я на эту специальность на платной основе, и уж если быть честным до конца, по знакомству. Потому что кроме странности любить уединение ничем другим от своих сверстников троечников я не отличался ни в школе, ни в университете, и в голове моей не витали формулы и изобретения... там кроме желания побыть в тишине ничего не жило. А учился я всегда кое-как, с тройки на вымученную четверку и на радостный хоть ка-

кой-нибудь зачет.

По мере моего взросления мама заметила во мне еще одну странность – это не любовь, или вернее, отсутствие любви к противоположному полу... Но я скажу откровенно, дело не в том, что мне никто не нравился или меня не тянуло к девушкам, просто я боялся нарушить свое уединение, влюбившись и, не дай Боже, впуслав в свою тишину кого-то, кроме себя. А потому я не встречался с девушками, ни с какими... ни с хорошими, ни с плохими, ни с теми, что предлагал мне мой старший, женатый и уже обремененный детьми, брат Сережка, на тихую погуливающий от своей жены Иришки... ни с теми, что предлагала мне мама.

– Просто я люблю тишину, покой, – в сердцах говорил я, когда мама, чуть ли не плача задавала глупые вопросы по поводу здоров ли я, как мужчина. – Мне нужно уединение, я люблю подумать... неторопливо прочитать книгу, стихотворение, я люблю полежать, поразмышлять... а девушка заставит меня вести ее в клуб или на вечеринку... И все тогда, прощай, моя спокойная жизнь... Не надо мне этого, пойми, мам... и вообще, оставь меня в покое!

– Придет время влюбится и женится, – разумно говорил папа.

Он очень любил смотреть по телевизору спортивные программы, и когда в квартире начинался спор или ссора, которые исходящим от них шумом отвлекали его от просмотра, тоже нервничал и непременно образом старался потушить

всякий гвалт, чтобы также, как и я, в тишине насладиться футболом или волейболом.

– Слышишь мама, что сказал папа, – обращался я к ней и уходил в комнату, коя после женитьбы Сережки, наконец-то принадлежала мне одному, и бесшумно прикрывал за собой дверь.

– Слышу, слышу, Рома, – откликалась мама из-за закрытой двери, а затем все также громко обращалась к папе. – Вова, ты бы хоть ему сказал.

– Угу, скажу, но после... после того как закончится тайм, – приглушенно отвечал отец, отмахиваясь от матери, будто от назойливой мухи.

Мама уходила на кухню мыть посуду, а я ложился на свой раздвижной голубой диван, укрытый цветастым покрывалом, подкладывал под голову небольшую подушку и, устремив взгляд на кремовые виниловые обои, рассматривал их паутинную вязь. Я разглядывал их удивительные узоры, точно скопированные с узоров, что были на стеклах, оставленных холодной рукой или посохом волшебного божества в зимние морозные дни и ночи. И думал о том, что мне бы очень хотелось больше не спорить с мамой, не ходить в этот треклятый университет, не видеть этих пренеприятных рож сверстников и обольстительных, тревожащих мою человечью плоть, лиц сверстниц.

Мне мечталось лишь об одном... век вот так лежать на диване, глядя в эти чудные расписные узоры потолка... стек-

ла... и думать о тленности всего сущего.... Думать о том, что каждого из нас ждет в жизни лишь один конец – смерть... и вовсе неизвестно, что будет там... после нее... и вообще есть ли что-то потом.

И если мы живем лишь для того, чтобы умереть, то в чем же тогда смысл жизни?

Неужели в необходимости ежедневно поддерживать свое ненасытное нутро и все пожирающие завидующие глаза?

Неужели человек лишь для того и рожден, чтобы есть, пить, вкалывать, рождать после себя такое же вечно съедающе-трудящееся потомство, а в конце концов быть просто закопанным в трухлявом теле в деревянном коробке...?

Много всяких таких мыслей приходило мне в голову. Они двигались по извилинам моего мозга и души, которую я любил называть сущностью, естеством, сутью, сердцевинкой, субстанцией, смотря потому, что ощущал в данный миг жизни... Они заставляли первый рассуждать, а второе тревожиться, но тревожиться так спокойно и мудро, словно то была не тревога, а лишь приятные ощущения... И незаметно под такие рассуждения и тревоги я закрывал глаза и засыпал, и очень часто я видел во сне какие-то иные чудные миры, в них жили другие люди, деревья, травы, реки... и небо в тех мирах было тоже другое... Я бродил возле тех людей, в тех мирах, в тех травах и наслаждался тем, что меня не видят и не слышат... Я же, находясь в тени тех миров, мог за всем наблюдать... подглядывать.

Однако когда я просыпался, то очень смутно помнил те сны. Передо мной иногда вставали какие-то серые блеклые тени тех миров, людей, деревьев, трав, рек, но они были слишком смутные, мало запоминающиеся... так, что я уже не мог и разобраться, видел ли я это или только сам себе надумал. Иногда, правда как сквозь неясную дымку, проскальзывали воспоминания, и тогда мне чудилось высокое небо янтарного цвета и плывущие по нему белые перьевые облака, сквозь ту же неясную дымку видел я лица людей, но и лица и цвет кожи у них был иной, не такой, как у меня.

Возможно, то просто были сны... глупые, нелепые сны... ничего не имеющие общего с реальностью, ничего не имеющие общего со мной.

Как- то вернувшись из университета, я глянул в окно и увидел начинающуюся грозу.

Вначале откуда-то издалека стал долетать раскатистый гром. Это длилось лишь мгновение, может пару минут, но вот гром грянул совсем рядом, затем мимо окна пролетел тонкий серебристый луч молнии, он упал где-то во дворе дома, будто приземлившись, воткнувшись своим наконечником в землю.

Я порывисто подбежал к окну и открыл его настежь!

О! Разве я мог пропустить торжество природы, такую прекрасную сверкающую грозу!

Выглянув на двор, я услышал новые мощные залпы грома, а гроза, раскидывающая в небесах молнии-стрелы, внезап-

но выпустила из себя с десятков огромных дождевых капель. Они вылетели из серых туч, мохнатых и похожих на бороды старцев, что были раскиданы в небесах, и с огромной скоростью упали на поверхность сухого асфальта, тотчас разбившись об его серое полотно и выкинув вверх лишь мелкие, крошечные брызги. Раздался очередной оглушающий залп грома, а затем с неба разом хлынули мелкие бисерные капли, но эти капли пошли плотной, густой стеной поливая кругом земли с растущими на них травами, поливая асфальт, детские качели и горки, припаркованные машины, казалось, в небесах открыли кран с огромным напором воды, а теперь никак не могли закрыть его или просто не хотели.

Вскоре асфальт переполнился водой, и потоки ручейков стали пробивать себе путь к земле, которая была более ненасытной, чем асфальтное покрытие, и могла выпить намного больше звенящей воды. А в серых грозовых тучах не прекращало гроыхать, и тот, кто гремел, не забывал посылать серебристые молнии.

Увлеченный этим прекрасным шумным видом могущества природы, это, кстати, был тот единственный шум, который я очень любил слушать и наблюдать... я сел на подоконник и залюбовался.

Нежданно гроыхнуло совсем близко, возле меня или моего окна, и не медля ярко блеснула серебристым сиянием молния, и увидел я, как мигающая ее поверхность пронеслась в воздухе, а миг спустя тонкий заостренный конец уда-

рил меня в грудь, прямо в середину трикотажной зеленой майки. И лишь молния поразила меня в грудь, я почувствовал страшную боль в области сердца, тело мое будто обдали жаром, голова мгновенно закружилась, глаза закрылись, и я тяжело сполз с подоконника, рухнув на пол.

Глава вторая

Прошло немного времени, а затем я увидел себя со стороны... Мое тело молодое, немного полноватое, с небольшим выпирающим животиком, лежало теперь на полу в комнате и как-то страшно подергивалось, так что, испугавшись, я закричал. И только теперь, когда попытался закричать, понял, что нахожусь не в нем, а рядом с ним. В страхе я смотрел на свое тело, которое лежало, упираясь головой в стену, и дергалось... Оно было какого-то неприятного черного цвета... и не только грудь, но и руки, и шея, и живот. Та самая зеленая майка и вовсе испарилась, лишь на руках и на полу лежали черные куски ткани. Мои густые, светло-русые волосы, тоже пострадали и обгорели почти до макушки, как впрочем и брови, а лицо с угловатым подбородком, большим носом и широкими губами было обсыпано черной мелкой пуховой сажей. Веки мои, лишенные теперь ресниц, плотно прикрывали глаза и еле заметно изредка вздрагивали.

«Умер!» – подумал я и оглядел то, что теперь думало и стояло рядом с телом.

То, что теперь думало и чувствовало, было прозрачного цвета, без рук и похоже без ног... точно без ног. Казалось на меня надели длинное, больничное белье... то самое, какое одевают в психушке, связывая, завертывая буйно-помешанных. Только это белье было не белого цвета, а прозрачное,

едва очерчивающее края моего... уж и не знаю как это называть... наверно, тела.

Честно сказать, вначале я даже не мог разобраться, есть ли у этой :сущности, естества, сути, сердцевины, субстанции, глаза? Однако я видел!

Есть ли рот, нос? Но вроде что-то открывалось... а вскоре я смог разглядеть прозрачный край своего широкого носа.

И даже, как оказалось, я слышал звук... звук шумящего за окном дождя, правда уже без грома и рассекающего неба молний.

Вдруг позади меня что-то тихо скрипнуло... так, словно приоткрыли дверь, укрепленную на тугих трескучих петлях. Я оглянулся и увидел стеклянную лестницу с широкими ступенями, ограниченную с одной стороны изящными, также из стекла перилами. Лестница извиваясь, вроде лабиринта уходила куда-то вверх, точно в потолок, но на самом деле в серую даль. Тихо, тихо позвякивала лестница, и казалось, то едва ощутимо соприкасаются друг с другом хрустальные бокалы... и чудилось мне в этом звуке настойчивое приглашение.

«Умер!» – вновь повторил я и, повернувшись, глянул с обидой и болью на свое тело, каковое хоть и почернело, хоть и вздрагивало, но продолжало обрывисто, вроде захлебываясь водой, дышать... а следовательно, все же было живо.

«Нет, жив!» – облегченно выдохнул я.

Мне было известно, что в квартире кроме меня были еще

папа и мама, и они обязательно придут мне на помощь, услышав или увидев, что со мной произошло, а потому я опять развернулся к лестнице, обдумывая, остаться ли здесь... подле моего тела или пока есть такая возможность сходить и посмотреть, что там на той лестнице и там, куда она ведет.

Еще миг я медлил, тревожно озираясь и возмущаясь бездействию родителей, а потом, все же решившись, ступил тем, что было у меня вместо ног, на первую ступеньку. И тотчас мой длинный наряд, похожий на больничное белье, оканчивающейся у пола, укоротился, из-под него выступили мои толстоватые короткие ноги, правда того же прозрачного цвета, а после от наряда отделились мои прозрачные руки, такие же толстоватые и короткие. Пара секунд, и больничное белье полностью пропало, уступив место моему телу с таким же, как и у живой плоти, выпученным вперед животиком и со складкой под угловатым подбородком. У меня, к моему же удивлению, стали проглядывать тонкие белые волосы, обильно покрывающие грудь, плечи, руки и ноги... и на моем прозрачном теле они выглядели более заметно и точно темнее. Вообще, пришел я к выводу, теперь моя сущность полностью соответствовала моему телу, тому самому, что лежало на полу, всеми силами стараясь выжить.

Я сделал еще один шаг, ступив ногой на следующую ступеньку, и вновь обернулся... Мое тело все еще подергивалось, однако теперь оно стало как-то ровнее и спокойнее дышать.

«Ну где же вы, в самом деле!» – возмущенно сказал я, обращаясь к родителям, которые не очень-то спешили прийти мне на помощь, будто не слышали или не чувствовали того, что со мной произошло.

Я бросил взгляд на межкомнатную дверь, что отгораживала меня от всего иного, и увидел, как она резко открылась, и на пороге комнаты появилась перепуганная мама да громко закричала. А я, облегченно вздохнув, двинулся по лестнице, которая стала делаться все круче и круче, и казавшийся оттуда снизу извилистый лабиринт стал теперь ничем иным как вертикально уходящими вверх ступенями, утопающими в неясной серости.

По мере моего подъема, а это всего лишь пара ступеней, очертания моей комнаты исчезли, и, глянув назад, я уже видел шиферную крышу трехэтажного дома, в котором находилась наша квартира, видел двор и бело-красную машину скорой помощи, что заезжала с проезжей части.

Теперь я успокоено улыбнулся, понимая, что приехавшие врачи помогут мне, а потому время моего пребывания на этой необыкновенной лестнице ограничено, и если я хочу посмотреть, куда она ведет, мне надо поторопиться.

Я сделал торопливый шаг вперед, тело мое покачнулось, а нога чуть не съехала вниз по гладкой поверхности стеклянной ступеньки, словно намереваясь повалить меня, и чтобы не упасть, я поспешно схватился рукой за резные перила с широкими поручнями и вертикальными спирально-за-

крученными балясинами. И удержавшись, оперся о ступеньку двумя ногами да выпрямился, испуганно переводя дух... а потом обратил внимание на гладь стеклянных поручней, украшенных огромными, почти в половину ладони, желтыми камнями, напоминающими пауков с растопыренными в разные стороны ножками, маленькими черными глазками-крупинками (два из которых были очень хорошо видны и ярко переливались) да чудными коричневыми полосками на брюшке. Протянув палец правой руки, я провел по брюшку паучка, а тот внезапно ожил, зашевелил своими длинными ножками и выстрелил из конца своего брюшка прямо в меня тончайшей кремовой липкой паутинкой. И хотя я поспешно убрал от него руку, а он сейчас же замер, вроде как умер, но паутинка, выпущенная им, все же достигла моего указательного пальца и, упав на него сверху, мгновенно опутала его, оплела. Да, прямо на глазах мой палец как-то неестественно похудел и удлинился, а после и совсем сменил цвет, превратившись в нежно-кремовый.

Глядя на такое превращение, я онемел и испугался, еще бы, ведь теперь мой палец был почти на треть длиннее, чем мой средний, и был он какой-то странной формы, будто заостренный на конце.

«Надо же», – задумчиво выдохнул я и покачал головой, потому что меня такой палец совсем не устраивал.

И благоразумно убрав свою руку с длиннющим пальцем в сторону, да стараясь больше не оступаться и не касаться этих

поглядывающих на меня пауков, двинулся дальше вверх по лестнице.

Позади меня, впереди и с боков парила какая-то серость, она, словно широченные лучи солнца, выбивалась из какого-то далекого источника и, долетая до меня, укрывала и лестницу, и ступени, и меня своей серостью. И если позади меня лучи падали кусками или бликами, то передо мной они ложились размашистыми полосами. Да и сами эти лучи, низвергающиеся из вышины, хотя и были бледно-серыми, но окаймлялись по краям тонкой линией иного цвета. И те цвета поражали мой взгляд своей насыщенностью и какой-то другой, не схожей с нашим миром, цветовой гаммой, хотя отдаленно они напоминали фиолетовые, голубые, зеленые и синие цвета. Окантовка луча сияла лишь одним цветом с определенным оттенком, не схожим с цветами других окантовок.

Ступени, по которым я поднимался были очень крутыми и широкими, а их края, точно лезвие ножа, зрились необычайно острыми. И подымаясь наверх, я все время опасался поранить стопу, наступив на край ступени... хотя, наверно, я зря тревожился. Разве может прозрачная сущность пораниться? Однако после того, что случилось с пальцем, я стал осторожней.

В воздухе, который я не мог вдыхать, но который присутствовал в этих серых лучах потому, как переносил запахи, стоял очень нежный цветочный аромат, так пахнет в мае цве-

тущая сирень.

А из звуков я улавливал лишь негромкое биение сердца... моего сердца. Я услышал его, как только пропали позади меня крыши домов, и исчез, погаснув в серости, мой город, мой мир. Поначалу я не мог понять, что это за звук... но потом догадался, что это биение сердца. Тихое такое, с огромными пропусками, со сбивчивым ритмом... но я был очень рад и этому прерывистому стуку и ни секунды не сомневался, что это мое сердце, и почему-то казалось мне оно звало меня или говорило мне, чтобы я не задерживался и возвращался скорей...

Вскоре я приблизился к источнику, которое выплескивало те самые серые с необычной окантовкой лучи. Когда я подошел ближе, серость и лучи поблекли, яркие края окантовки исчезли... а когда я шагнул на очередную ступеньку, оказавшуюся последней на лестнице, то увидел, что на ней стоит небольшой фонарь. Такой, каким раньше освещали улицы городов, и чьи рисунки я видел в иллюстрациях книг. Фонарь был большой, со стеклянными окошками, вставленными в черный железный корпус, похожий по форме на цилиндр с укрепленным на нем, словно крыша, остроконечным кубом. Там вместо огарка, питаемого маслом, находилась цилиндрическая стеклянная лампочка, внутри коей сидел желтый паук. Он был похож на тех пауков, что находились в поручнях перил, да только брюшко его было не в коричневую, а в серую полосу. Паук был тоже крупный, а лам-

почка, в каковой он сидел, огромная. Паучок крепко цеплялся кончиками лапок за тонкое стекло лампочки и переставлял их, переползая то вверх, то вниз, а потом мгновенно поджимал ножки и падал в основание лампочки. Наверно от этих его движений да падений и менялся свет окантовки лучей.

Однако стоило мне остановиться возле фонаря и присесть на корточки, да начать рассматривать его, как паук тотчас прекратил всякие движения и уставился на меня своими глазами, которых у него было очень много. И мне вдруг, показалось, что в его глазках, маленьких черненьких кругленьких, похожих на крупинки проса, промелькнул страх и ужас.

Но то было лишь мое ощущение... то может мне лишь показалось!

Еще миг я разглядывал этот чудной фонарь, который хоть и озарял пространство кругом, но уже не разбрасывал серые лучи... вроде как достигнув поставленной цели.

Еще миг я вглядывался в паука и его необыкновенные глазки, а после, поднявшись, переступив через фонарь, оперся ногами о что-то совсем иное, ничего не имеющее общего со стеклом.

Я опустил голову и глянул на то, что теперь находилось под моими ногами... оказывается, там была узенькая дорожка, посыпанная мелкими камушками, похожими на гальку или битый ракушечник.

Удивленно осмотрев дорожку, я неспешно тронулся по

ней.

Теперь перед моим взором стелилась какая-то голубоватая полоса, будто там, на большом от меня удалении, край голубого неба сходиллся с краем земли, поросшей зелеными травами, и образовывал эту парящую прикрытую дымкой даль, и чудилось, что до нее мне не скоро добраться. Но стоило сделать по дорожке лишь несколько шагов, как заоблачная голубо-зеленая даль мгновенно приблизилась и заполнила своей бледной голубизной небо и такой же невзрачной зеленью землю.

Еще шаг и я оказался в лесу...

В том лесу росли не просто высокие, а прямо-таки высооченные деревья... деревья-гиганты с громадными стволами, которые не то, чтобы обхватить, а не скоро-то и обойдёшь. Кроны этих великанов были так густы, что укрыли массой своих веток и листвы небо, а потому внизу, там, где я шел, было мрачно и тускло.

Какая-то серость обитала в этом лесу... точно он умер этот лес... или умирал.... Рассматривая его, я не видел в нем ни одной какой-либо яркой краски, в которую был бы раскрашен цветок, листик, ствол... если тут и были цвета, то все бледные, выцветшие, линялые.

Зато поражала мой взор мощь этого леса, его гигантских корней, похожих на угловатые, сплюснутые спины хамелеонов, с острыми рядами наростов, ползущих по земле и поддерживающих гладкие с зеленоватой корой стволы деревьев.

Сами стволы были покрыты длинными и тонкими колючками, огромными серыми цветами, редкостной формы фруктами, опутаны лианами, папоротниками и лишайниками, стебли коих образовывали переплетенную массу со здоровущими узлами, петлями. Их длинные воздушные корни достигали почвы, какого-то почти черного цвета, и крепко впились в нее. И земля та была покрыта не только хамелеонскими корнями деревьев, но и полями высоких мхов, поломанными ветками, опавшей листвой и поваленными стволами деревьев.

Оглядывая этот лес, я почему-то пришел к мысли, что здесь совсем недавно прошел дождь, потому как в некоторых местах образовались большие, похожие на болотца, лужи.

И если бы не дорожка, посыпанная серой мелкой галькой, словно прорубленная в лесу и освобожденная для прохода, вряд ли бы я смог пройти здесь.

Меня поражал этот великолепный лес, его необычайная и ни с чем не сравнимая сила... однако меня поражала не только эта природная мощь, в которой отсутствовали яркие цвета, не только отсутствие запаха, но и то, что в лесу было очень тихо... очень... В этом лесу властвовала тишина, и там в высоких кронах, где по моему мнению должны были жить звери и птицы, насекомые и пресмыкающиеся, было тихо, ни раздавалось не то, чтобы шума, крика или визга, ни слышалось даже шороха... точно там, в вышине, отсутствовал и даже легчайший порыв ветерка.

Правда, один раз я услышал какую-то гортанную тихую песню птицы. Эта песня прилетела оттуда, откуда я пришел, она принесла с собой болезненную тревогу и, казалось, коснувшись моей спины, пыталась что-то мне поведать. Я тотчас остановился и оглянулся, но ни слов той песни, ни самого напева более не услышал... может, это мне просто почудилось... подумал я...

Однако стоило мне остановиться... замереть и оглянуться, как немедленно с деревьев посыпались листья, так, будто их кто-то там наверху разом смахнул с ветвей. Листья кружились в воздухе и медленно опускались на землю, корни, мхи и ветки... притом как-то странно облетая дорожку, на которой я стоял. Это были огромные листья, очень толстые и с гладкой поверхностью, но их цвет был линияло-зеленоватым. И все же я не мог отвести взгляда от этих дивно-парящих листьев, мне казалось, что я попал в сказочный мир, только, к несчастью, который не успели разукрасить, а лишь так бросили в него почти прозрачные цвета красок.

Неторопливой поступью я двинулся дальше. И вскоре около меня пролетела огромная кремовая стрекоза. Она была почти прозрачная, точно как моя сущность теперь, а ее здоровущие крылья взмахивали с легкостью и совсем бесшумно. Стрекоза секунду покружила над моей головой, так и не издав не единого звука, точно тоже была сущностью вроде меня, а потом направила свой полет в массу переплетенных лиан и лишайников, что опутывали стволы и промежут-

ки между деревьями соседями.

Каменистая дорожка, по которой я шел, все время виляла то вправо, то влево, также как и корни деревьев, и вела меня в глубину леса. Внезапно за очередным поворотом я увидел небольшой просвет, так, словно раздвинулись деревья, образовав в этом месте поляну, поросшую невысокой травой.

На этой поляне ровной и овальной формы, огороженной деревьями-великанами, находился большой деревянный сруб, сложенный из стволов молодых деревьев. Крыша этого сруба была крыта деревянными жердями, плотно подогнанными друг к другу. Из крыши дома выходила труба, ужасно закопченная так, что разобрать к какому она цвету относится, было невозможно. Прямо на меня смотрели два небольших окошка, с той стороны занавешенные короткими серыми занавесками. Как раз между этими окошками находилась невысокая, узкая деревянная дверь с загнутой, наподобие полукруга, ручкой. Низкое крыльцо и две широкие ступени вели к двери.

Я стал озиаться... рассматривая теперь саму поляну, где было значительно светлее, чем в лесу, однако яркие цвета здесь также отсутствовали. Посмотрев на освобожденное от веток и густой листвы небо, я увидел его серо-белую гладь, а на нем такое же бледное круглое светило, оное лениво взирало на меня и также лениво или безразлично освещало этот кусочек леса.

Рядом с домом в небольшом пне, который совсем недавно

еще являлся деревом, был воткнут топор.

И топор тот был большущим. Его топорище достигало в длину полтора метра, а железко блестящее серебристого цвета было очень гладким без единой царапины, щербинки, вроде как им никогда и не рубили. Впрочем, около пенька лежали аккуратно сложенные в стопочку разрубленные надвое поленца... да и бледно-зеленая трава возле пенька были прижата и усыпана мелкими щепками, верно тут не раз уже рубили. А когда я перевел взгляд и посмотрел на дом, то увидел, что из закопченной трубы идет еле заметный дымок, наверно я не смог его сразу разглядеть из-за стоящей кругом блеклости и серости.

«Уходи! Уходи! Уходи!» – неожиданно пронеслось позади меня, и где-то в той непроглядной серости неба блеснула серебристая молния... та самая, что ударила меня в грудь.

Увидев молнию и услышав тот зов, я было подался назад, чтобы поскорее убежать и вернуться к себе в мир, к своему телу, а моя прозрачная субстанция испуганно содрогнулась. Но потом я остановил движение своей сущности и сам себе напомнил, что сейчас я не в теле... и вряд ли мне что-то может грозить, ведь ни то, чтобы убить, но даже увидеть меня невозможно. Теперь я вроде как призрак... А раз так, чего мне бояться... я столько прошел уже и вот когда сейчас дошел до цели, и могу увидеть того, кто живет в этом чудном мире... неужели струхну, как это я делал всегда, и убегу. "В конце концов, – домыслил я. – Нос мне однозначно никто не

разобьет...ха...ха, — даже рассмеялся я, чтобы себя подбодрить. — Потому что в него трудно будет попасть".

И сейчас же я перестал дрожать и страшиться. И хотя в серо-белом небе я увидел новую тонкую молнию, которая начертала своим белесоватым серебром слово «Уходи». Я решил не внять этому совету и непременно продолжить свои исследования до конца, и войти в дом, а, чтобы не тревожить себя пустыми, как мне казалось, страхами, я уставился взглядом на дверную деревянную ручку. Да неспешно ступая своими прозрачными стопами на траву и не ощущая ни ее мягкости, ни жесткости, ни тепла, ни холода, словно в ней не было жизни, и она была, как та галька на дорожке, мертва, направился к двери.

Подойдя к дому, я поднялся по ступеням и, ступив на крыльцо, остановился. Затем осторожно протянул руку, взялся за округлую ручку, однако моя ладонь с длиннющим указательным пальцем прошла сквозь неё... Это меня ужасно порадовало... и я вновь ощутил в себе необыкновенные качества присущие призракам, теням и ха...ха...ха, приведениям. Подумав о том, как могу вот прямо сейчас пройти сквозь дверь, а потом негромким уханьем напугать жителей этого дома... И что же? Как лучше их напугать?... Войдя через дверь или через стену... ха...ха... обдумывал я и представлял их испуганные лица.

Но потом во мне сказалось мое благоразумие, присущее с детства, и я решил не пугать людей живущих в этом доме, и

войти в него, как положено, через дверь, хотя вернее будет сказать, сквозь дверь. Тогда я опустил руку вниз и, широко шагнув сквозь дверь сруба, оказался внутри дома.

Глава третья

Войдя в дом, я очутился в большой просторной комнате. Передо мной, в середине комнаты, находилось кресло с высокой округлой спинкой, обтянутой черной кожей, и я заметил, что в нем кто-то сидит, потому как оттуда выглядывала голова человека с темными волосами. Кресло стояло как раз напротив широкого каменного камина, прикрытого резной чеканной дверцей, через которую можно было рассмотреть и сам камин и почти прогоревшие в нем остатки дров, превратившиеся в угли, но все еще поблескивающие лоскутами пламени да изредка выбрасывающими вверх тусклые искорки. Справа от камина высилась небольшая стопочка аккуратно сложенных дров, а прямо на железной окаймляющей камин глади пола лежала черная с закругленным концом ко-черга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.